87 „Пров 49“

ИЗДАНІЕ
ПЕТЕРБУРГСКАГО „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ“.
(Соціальдемократической партіи).

ЦК РСДРП
3
АРХИВЪ ДИТИ.

ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РАБОЧАГО).

С. С. С. Р.
К. П. № Инв. № 141
III и Ф р

Типографія „Рабочаго Знамени“.
1900.

АКАДЕМИИ.
564
29

ЗАПРЕТНЫЕ ЛИСТКИ.

(изъ воспоминаній рабочаго).

Шесть часовъ утра. Фабрика уже начала просыпаться послѣ ночного отдыха. Проснулось стальное чудовище — паровая, медленно и лѣниво задвигалась она, какъ бы расправляя свои онѣмѣвшіе члены. Проснулось, потянулось чудовище, и вслѣдъ за нимъ все ожило: тысячи проводовъ, отводовъ, переводовъ, ремней, колесъ—все задвигалось, зашумѣло, наполняя огромное зданіе фабрики оглушительнымъ ревомъ и грохотомъ. Гулко понеслись протяжные звуки фабричнаго гудка—и въ открытыя двери фабрики полилась живая человѣческая волна. Каждый день въ обычный часъ эта людская волна притекаетъ къ открытымъ дверямъ фабрики и скрывается въ нихъ, точно въ открытой пасти. Медленно расходятся рабочіе по мастерскимъ, вяло и сонно принимаются они за работу, не успѣвъ еще отдохнуть отъ вчерашняго дня. Тамъ и сямъ раздаются окрики мастеровъ: „Эй! Лѣнтяи! Дармоѣдъ! Чего зѣваешь! Гляди, въ машину попадешь!..“ И принимаются „лѣнтяи“, „дармоѣды‘, за работу съ тупой болью въ головѣ, съ усталостью во всѣхъ членахъ. Но сегодня не замѣтно обычной вялости: рабочіе собираются кучками, расходятся и снова сходятся; лица оживлены; то

въ одномъ, то въ другомъ углу слышится напряженный шопотъ.

— Читалъ, Ваня? — тихо спрашиваетъ молодой рабочій своего сосѣда.

— Читалъ, Федя!

— Что же, хорошо?

— Да какъ же, братецъ ты мой, не хорошо! Лучше не надо. Въ крѣпкомъ, говоритъ, союзѣ мы завоюемъ весь міръ!... Да развѣ неправда? Посмотри, уймища-то насъ какая... Только бы дружно взяться, а тамъ постояли бы мы за себя!

— Вотъ что... началъ было Федоръ.

— Эй, ты! Чего лясы-то точишь! — раздался подлѣ нихъ окрикъ мастера: — За работу! — И Федоръ поспѣшно отошелъ къ своему станку.

— Знатно, братцы, ихъ раздѣлали! — слышится изъ другой кучки, собравшейся вокругъ пожилого ткача.

— Да ужъ что говорить! Всѣмъ досталось, да и царю-то батюшкѣ по загривку влетѣло.

— Вы вотъ что, братцы, расходитесь-ка, въ обѣдъ потолкуемъ, вишь, „нашъ“-то (мастеръ) буркулы пялитъ на насъ... — и кучка расходится.

— Петръ, давай-ка еще парочку!

— Нѣту, братъ, всѣ, 30 листочковъ было — всѣ разбросаны, послѣдній сейчасъ Сенька взялъ; ишь, шельма, около мастера вьется, видно ему сунуть хочетъ.

— Да какъ бы не того...—опасливо замѣчаетъ подошедшій.

— Чего тамъ — мальчишка ловкій!

— А на кладовую-то хватило?

— Хватило, всѣмъ хватило вдосталь. Да ты, Серега, сбѣгай, взгляни, всѣ ли въ сборной подобрали, да поопасливѣе!

— Ладно! — и Сергѣй направился къ выходу.

— Что, Митричъ, видѣлъ?—обратился онъ, проходя мимо, къ сумрачнаго вида пожилому прядильщику.

— Видѣлъ.

— Да ты что не веселъ?

— Да чему веселиться-то? Что живется-то намъ скверно? Что трудимся мы словно скоты, это я и безъ листковъ знаю. А будетъ ли намъ лучше, — это не мнѣ разсуждать....

— Эхъ, братъ! Погоди, возьмемся мы за дѣло, такъ и ты другое заговоришь; отъ своихъ, чать, не отстанешь?

— Нѣтъ, парень, это ты, видно, не упрыгался, а я, братъ, тоже кузькину-то мать видалъ! Оборони, Господи, что будетъ! Вѣдь у меня жена, дѣтишки: куда безъ меня дѣнутся, кто накормитъ ихъ? Нѣтъ ужъ для меня, видно, время-то прошло...

— Ну что тамъ, прошло! Мы, братъ, еще съ тобой такихъ дѣловъ надѣлаемъ, что небу жарко станетъ! — тряхнувъ кудрями перебилъ его Сергѣй и направился къ сборной.

И всюду, во всѣхъ концахъ Фабрики слышатся тѣ же значительнымъ шопотомъ и урывками ведущіеся разговоры, видны такія же оживленныя лица... Какъ будто свѣтлый лучъ проникъ въ это царство непроглядной тьмы и каторжнаго труда и заставилъ всѣхъ этихъ людей забыть на мгновеніе будничную жизнь съ ея гнетущими заботами и безысходной нуждой и обратиться мыслью къ тому широкому и свѣтлому будущему, о которомъ такъ страстно говорилось въ листкѣ прокламаціи. Иной, правда, вздохнетъ и проклянетъ свою долю и поникнетъ безсильно головой... „Хорошо, да не про насъ...“ А у иного глаза сверкаютъ отвагой и жить ему хочется, бороться, и нѣтъ, кажется, той силы, которой побоялся бы онъ сейчасъ и кажется ему, что вотъ-вотъ еще немного и придетъ оно, это желанное время, когда всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подымутся и грудью встанутъ за правду, за право дышать вольнымъ воздухомъ рабочему люду. И мысли всѣхъ сосредоточены на одномъ, на клочкѣ бумаженки, которая гуляетъ по фабрикѣ, на томъ, что тамъ говорится... Но вотъ и обѣдъ. Паровая, тяжело вздохнувъ, стала. Рабочіе торопливо побросали работу и, тѣснясь, направились къ выходу. А за обѣдомъ тѣ же разговоры и то же оживленіе.

— Это все они, студенты, листковъ-то набросали, — авторитетно разсуждаетъ старикъ ткачъ за однимъ изъ большихъ столовъ общей столовой, у

котораго собралось человѣкъ 15 рабочихъ. — Все они, пашковцы поганые, народъ-то мутятъ... И чего имъ надо! Работать тебѣ не заказано, ну и сиди себѣ тихо, смирно, не пьянствуй, не груби, береги копейку! — глядь и деньжонокъ себѣ къ старости прикопишь...

— Да ты, видно, старикъ, большіе капиталы себѣ прикопилъ!? — задорно перебилъ его молодой рабочій, ученикъ воскресной школы.

— Ну, какіе у меня капиталы!?

— Да, вѣдь, самъ говоришь: работай, такъ капиталъ накопишь, а, вѣдь, ты, почитай, годковъ 30 не разгибая спины у станка маешься, такъ какъ же не быть капиталу-то?

— Ну, гдѣ же у меня капиталу быть,— недовольно повторилъ старикъ.

— Вотъ то-то и оно-то, старина, что не нажить рабочему человѣку капиталовъ.

— Ну что, дубина, заладилъ: не нажить, не нажить, да какъ же хозяева-то наши нажили? Вѣдь, когда дѣло-то начали, такъ, почитай, такіе же голяки были, какъ и мы!

— А ну-ка, разскажи, какъ хозяева наши капиталы нажили?—не отступалъ отъ него Павелъ-воскресникъ.

— Да чего разсказывать-то; всѣ, чай, знаютъ.

— Нѣтъ ужъ, старикъ, завелъ, такъ разсказывай! — поддержали другіе.

— Ну вотъ. Пріѣхали наши хозяева изъ Англіи — Карлъ Данилычъ, да Данилъ Данилычъ Торнтонъ, а въ мошнѣ не то, чтобы густо. Ну, наняли домикъ деревянный, купили нѣсколько станковъ простыхъ, наняли съ пятокъ рабочихъ, да вмѣстѣ и принялись, благословясь, за работу: первоначально и сновальни своей не было: соткутъ да и продадутъ. Ну, помаленьку да полегоньку, смотришь, черезъ годикъ-другой и помѣщеніе перемѣнили и станки другіе завели, и рабочихъ принаняли; дѣло-то, значитъ, въ ходъ пошло. Дальше-больше, теперь, вишь, какую махину взбодрили, рабочихъ-то около нихъ сколько кормится, да и сами-то какъ живутъ: на серебрѣ ѣдятъ!.. Нѣтъ, коли съ умомъ жить, такъ наживешь.

— Да вотъ, сказываютъ, что Чуркинъ-разбойникъ большіе капиталы сколотилъ, грабивши людей по дорогамъ!

— Эхъ, дубина, куда хватилъ! такъ Чуркинъ-то людей убивалъ.

— А наши хозяева только грабятъ, — прибавилъ опять Павелъ — Нѣтъ, хуже они разбойниковъ: тѣ по большимъ дорогамъ грабятъ, — страстно заговорилъ онъ, и глаза его загорѣлись злобой. — Тѣ больше своего труда положили, чтобы капиталы-то нажить: имъ по дорогамъ да по лѣсамъ рыскать-то приходилось за денежками, а нашимъ хозяевамъ онѣ сами въ мошну изъ нашихъ лапъ

валятся. „Съ умомъ“, говоришь. Да что, у насъ съ тобой ума-то меньше, чѣмъ у нихъ, или руки у насъ не тѣми концами вставлены? Нѣтъ, старина, не отъ того это, будь ты хоть семи пядей во лбу, колотись въ работѣ еще 30 лѣтъ, не спи, не ѣшь, а не нажить тебѣ хозяйскихъ капиталовъ! Скажи-ка ты, вѣдь ежели бы хозяева-то наши одни безъ рабочихъ за работу принялись — были бы у нихъ такія деньжища? Поди и по сей часъ у станка бы горе мыкали! А то рабочихъ принаняли! Ну, рабочему-то полтинникъ въ зубы, а съ него на цѣлковый мало-мало шкуры сорвутъ: вотъ они откуда капиталы-то твои хваленые. Награблены они, вотъ что! Ты имъ на сотенную въ мѣсяцъ сработаешь, а самъ и половины не получишь. Ты вотъ говоришь, что нѣту у тебя капиталу, да и не будетъ. Откуда рабочему человѣку накопить? Много ли отъ трудовъ твоихъ тебѣ останется? Хорошо, коли на гробъ скопишь, и всякій такъ. Ты самъ разсуди: получаетъ вотъ онъ 30 руб., жена, трое дѣтишекъ; ты ихъ одѣнь, обуй, за квартиру заплати, прокормись съ ними мѣсяцъ и все изъ 30 рублей. Ну, что ты накопишь? Да и больше бы получалъ, не накопилъ бы. А захворалъ ты, свалила тебя работа каторжная и клади зубы на полку, подыхай самъ-пятъ. Нѣтъ, старина, не нажить намъ трудами нашими капиталовъ! — заключилъ Павелъ.

— Вѣрно, вѣрно, правильно ты, Павелъ: отъ тру-

довъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ, — подхватили другіе, вставая изъ-за стола и направляясь къ мастерскимъ.

И снова фабрика въ ходу, и листокъ гуляетъ да гуляетъ . . . Кто-то подбросилъ его въ контору и онъ попалъ въ руки управляющаго — Григорія Ѳедоровича Дворцова. Тотъ сталъ метать громы и молніи.

— Позвать сюда Варвару! — отдалъ онъ приказъ.

Варвара, 60-ти лѣтняя старуха, была уборщицей въ конторѣ, главною же ея обязанностью было шпіонить за рабочими. Робко вошла Варвара, низко поклонилась Дворцову.

— Ты чего старая дура, — накинулся на нее тотъ, — даромъ хлѣбъ хозяйскій ѣсть захотѣла, ты чего своего дѣла не знаешь?

— Батюшка, Григорій Ѳедоровичъ, да вѣдь я, кажется, всей душой, денно и нощно! — слезливо затянула Варвара.

— Денно и нощно, — а кто листки по фабрикѣ разбросалъ, гдѣ у тебя бѣльма-то были, отчего не запримѣтила, какъ смѣла не донести, чертовка старая! — кричалъ Дворцовъ, наступая на старуху.

— Да это все они, батюшка, — обрадованно заговорила Варвара, чтобы какъ-нибудь выпутаться, — все они, воскресники, студенты голощтанные.

— Воскресники, студенты! — передразнивалъ ее Дворцовъ — да кто они, вѣдьма ты этакая?!

Варвара наугадъ назвала нѣсколько фамилій.

— Позвать ихъ сюда! отрѣзалъ Дворцовъ.

Грязные, оборванные, трепещущіе предстали „студенты“ предъ грозныя очи Дворцова.

— Вы что мерзавцы, бунтовать вздумали, листковъ по фабрикѣ набросали!! Да я васъ, каналій, въ бараній рогъ согну, я вамъ покажу народъ мутить, въ тюрьмѣ сгною, въ Сибирь закатаю!— налетѣлъ на нихъ Дворцовъ.

— Да мы, Григорій Ѳедоровичъ, и листковъ-то не видали, вотъ те крестъ — ничего не знаемъ, — робко оправдывались рабочіе.

— Не видали? а вчера гдѣ шлялись?

— Да спроси у кого хочешь, дома были, никуда не отлучались!

— Вы у меня, мерзавцы, правду говорите, хуже будетъ, — заревѣлъ снова Дворцовъ, но въ это время вошелъ въ контору одинъ изъ ткачей, извѣстный всѣмъ рабочимъ за шпіона, подошелъ къ Дворцову и сталъ что-то шептать ему на ухо.

— Въ коридоръ выйдите, — крикнулъ Дворцовъ рабочимъ.

— Вотъ, Григорій Ѳедоровичъ, листки опять на фабрикѣ.

— Знаю ужъ, видѣлъ, — недовольно отвѣтилъ тотъ, — да кто?

— Да и самъ не доискался, съ утра маюсь, всѣ глаза высмотрѣлъ, вездѣ, кажись, вынюхалъ, ни до

чего не доискался. Еще съ вечера зналъ. Иду это я вчера по коридору мимо каморокъ — слышу шопотъ. Что, думаю, такое? Присѣлъ у двери, приложилъ ухо къ щелкѣ. Слышу: ,,вотъ тебѣ 10 — сборная, тебѣ 30 — ткацкая, тебѣ 25 — прядильня, 15 — кладовыя, а остальные я самъ по лѣстницѣ разбросаю,“ да вѣрно тутъ заслышали шорохъ, да всѣ по коридору въ разсыпную; темно было, лицъ то и не примѣтилъ. Сегодня съ половины шестого сторожилъ, ничего нѣтъ, и пошелъ чай пить; глядь — уже всѣ читали, и когда только они, черти, успѣли...

— Какъ-же ты, братецъ, съ вечера-то не донесъ: сдѣлали бы обыскъ, нашли бы, а теперь ищи вѣтра въ полѣ, — недовольно сказалъ Дворцовъ.

— Да ужъ виноватъ, побоялся вашу милость тревожить, думаю, самъ увижу, анъ дѣло-то и не вышло. — оправдывался шпіонъ.

— А не эти? указывая на коридоръ, спросилъ Дворцовъ.

— Нѣтъ, словно бы не эти.

— Ну, ладно, поди, позови этихъ-то, да чтобы были мнѣ къ вечеру разысканы.

Шпіонъ ушелъ, а рабочіе снова вошли въ контору.

— Маршъ работать! — обратился къ нимъ Дворцовъ, — да смотрите у меня, я вамъ покажу вос-

кресную! — напутствовалъ ихъ Дворцовъ и направился съ докладомъ въ кабинетъ хозяина.

Рабочіе, низко поклонившись, вышли изъ конторы и, облегченно вздохнувъ, направились въ мастерскія, радуясь, что гроза миновала. Двое изъ нихъ перестали съ этого дня ходить въ воскресную школу.

А въ конторѣ начались разговоры все про тотъ же листокъ: — ишь его разобрало — указывая на кабинетъ хозяина, сказалъ младшій конторщикъ, — теперь не скоро уймется. Съ докладомъ пошелъ, а тамъ, черту этакому, здоровую головомойку зададутъ.

— Ну ты, потише, знаешь, чай, уши-то у Гриши какія. И что это за листокъ такой, что они всѣ бѣсятся?

— Да вотъ и мнѣ, черти, сунули въ пальто, — замѣтилъ старшій конторщикъ, вытаскивая изъ кармана смятый листокъ прокламацій.

— Прочтите, Давидъ Андреевичъ! — пристали къ нему другіе — увидимъ по крайности, что это такое.

— Да какъ улышитъ?

— Не услышитъ, ишь какъ онъ его запаливаетъ.

— Ну ладно, только чтобы всѣ по мѣстамъ были, — и Давидъ Андреевичъ, откашлявшись, началъ:

„Товарищи! Кому изъ насъ не извѣстно и кто на себѣ не испыталъ, какъ тяжела доля рабочаго? Фабричный — горемычный, говорятъ про насъ. Горемычные мы и есть: цѣлый-то день словно каторжные трудимся, ни отдыха у насъ, ни утѣхи... На фабрикѣ надрываемся въ работѣ, терпимъ обиды и униженія ото всѣхъ, начиная отъ хозяина и кончая послѣднимъ сторожемъ; да и дома у насъ не лучше. Дома тѣснота, нужда да свара, ни отдохнуть тебѣ, ни почитать, ни подумать нѣтъ возможности. И мы изнываемъ отъ непосильнаго труда, бьемся въ вѣчной нуждѣ, не видя ни откуда просвѣта. Невѣжественные, забитые, униженные, мы теряемъ свое человѣческое достоинство, мы не знаемъ, что и у рабочаго, что и у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было, есть свое право жить и дышать свѣжимъ воздухомъ; мы не знаемъ, кто наши враги и кто наши друзья и бродимъ, какъ въ темномъ, безпросвѣтномъ лѣсу, не знаемъ, какъ выбраться оттуда и гдѣ искать свѣту.

А выходъ есть, товарищи: онъ въ борьбѣ... Въ вѣчной борьбѣ съ нашими врагами, со всѣми, кто угнетаетъ насъ и заставляетъ влачить наше жалкое существованіе.

А враговъ у насъ много, товарищи! И наши первые, самые близкіе враги, это наши хозяева-фабриканты и заводчики, которые хотятъ прослыть нашими благодѣтелями. Они своей мошной порабо-

тили насъ; мы работаемъ на нихъ, а они, наши благодѣтели, пьютъ нашу кровь, да глумятся надъ нами, надъ нашимъ невѣжествомъ, покорностью и безсиліемъ. Мы силы свои надрываемъ въ работѣ, всю жизнь бьемся въ нуждѣ, а они тунеядствуютъ; нами, какъ пѣшками, ворочаютъ да роскошествуютъ, да развратничаютъ на наши деньги, кровью и потомъ добытыя. У насъ иной разъ копейки на черный хлѣбъ нѣтъ, а они, наши благодѣтели, тонкими блюдами объѣдаются, да винами заморскими попиваются. У насъ иной разъ 3 копѣекъ на конку нѣтъ, а они на рысакахъ разъѣзжаютъ, да грязью насъ забрызгиваютъ. У насъ порой лишняго гроша на солому не хватаетъ, на голыхъ дощечкахъ отъ трудовъ отдыхаемъ, а они на турецкихъ диванахъ прохлаждаются.

Они и пользуются нашимъ невѣжествомъ, нашею рознью и давятъ насъ. И мы безсильны передъ ними до тѣхъ поръ, пока не сознаемъ, что наша сила въ единствѣ, и не сплотимся въ одно цѣлое противъ нихъ, пока не будемъ дружно стоять всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ, дружно добиваться правъ, давать отпоръ всѣмъ гоненіямъ и притѣсненіямъ нашихъ враговъ.

И враги наши, товарищи, не одни только фабриканты и заводчики, но и всѣ тѣ, кто потворствуетъ имъ и помогаетъ держать насъ въ рабскомъ состояніи

Самый сильный. самый лютый, самый хищный нашъ врагъ — это нашъ Монархъ Всемилостивѣйшій, нашъ Царь-Батюшка, больше всѣхъ онъ нашей шерстки стрижетъ, да наши слезки пьетъ. И чего только не дѣлаетъ нашъ Царь-Батюшка, чтобъ держать насъ въ рабствѣ. Онъ не пропускаетъ къ намъ свободнаго слова, разрушаетъ наши союзы, по первому требованію фабриканта онъ посылаетъ на насъ свое холопское войско, онъ сажаетъ насъ въ тюрьмы, ссылаетъ насъ въ Сибирь, онъ дышать намъ не даетъ!

Только нѣтъ, всемилостивѣйшій, не удастся тебѣ свѣтлое солнышко затемнить и ясный день въ темную ночь превратить; что грибы послѣ дождя, растутъ среди насъ честные, сознательные рабочіе и никакія силы темной власти не остановятъ рабочаго движенія.

Видно скоро придется тебѣ, Самодержавный, на Сахалинъ-островъ свою державу перевести, а твоимъ холопамъ-министрамъ у сохи, да у станка встать, если не захотятъ подохнуть съ голоду. Сильны враги наши, друзья, за царемъ стоятъ его приспѣшники — чиновники корыстные, попы льстивые да подлые, войско холопское, да цѣлая армія шпіоновъ и другой сволочи. Намъ не отъ кого ждать помощи, негдѣ искать ее: наша сила въ насъ самихъ, въ нашемъ согласіи, и стоитъ намъ сплотиться, мы свергнемъ ненавистное иго и заста-

вимъ своихъ враговъ признать право на человѣческую жизнь всякаго трудящагося человѣка; наша сила дастъ намъ господство надъ ними. И враги наши знаютъ, что мы сила, разъ мы сплотимся, и трепещутъ передъ ней. Довольно же спать, товарищи! Пора намъ проснуться, сознать, что только въ единеніи сила, только въ борьбѣ съ нашими врагами можемъ мы улучшить свою долю.

Объединяйтесь же, товарищи! Въ крѣпкомъ союзѣ мы завоюемъ весь міръ, свободу и счастье, счастье всего человѣчества!“

Давидъ Андреевичъ кончилъ. Въ конторѣ царила тишина, только слышно было тиканье стѣнныхъ часовъ.

— А здорово нашихъ-то продернули, — сказалъ кто-то изъ конторщиковъ, — да и что, въ самомъ дѣлѣ, нужно имъ о рабочемъ человѣкѣ позаботиться, а они только и знаютъ, что свою мошну набиваютъ... тс... хозяинъ...—и конторщики уткнулись въ книги. Изъ кабинета вышелъ хозяинъ въ сопровожденіи Дворцова и поспѣшно направились къ кваргирамъ рабочихъ.

— Быки! — прошепталъ имъ вслѣдъ кто-то.

— Быки и есть, только одинъ англійскій, а другой холмогорскій! — подхватилъ другой голосъ, и контора огласилась дружнымъ смѣхомъ.

А хозяинъ и Дворцовъ съ помощью сторожей производили по домашнему повальный обыскъ въ

квартирахъ рабочихъ. Придетъ рабочій домой, увидитъ мамаево разореніе — развороченныя постели, раскрытые сундуки, сломанные замки — и злобой загорится сердце каждаго, и всякій подумаетъ: погоди! и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!...

Молодой.

